

С.Н. ЛЕВАГИНА

Образ мыши в русской и англоязычной литературе XX века

На протяжении веков художественные произведения о животных были широко известны и востребованы. В этой статье мы обратимся к образу мыши в любопытном аспекте заявленной темы. За рамками публикации останутся произведения детской литературы [1], а также литературы в стиле фэнтези, где мышь – олицетворённый человек, как, например, в романах Брайана Джейкса из сериала «Рэдволл» (уже 14-й роман из этой серии вышел на русском языке).

XX век, шагнувший далеко вперёд по части бесчеловечности, обнаруживает в серьёзной, настоящей литературе совершенно нетрадиционный подход к теме мыши. Начнём с того, что идёт резкое размежевание образов мыши и крысы, которые в XIX веке ещё практически не различались. Вспомните, у Крылова – мирную беседу двух соседок (мыши и крысы), которые приходят к единодушному мнению: «Страшнее кошки зверя нет».

В XX веке оказывается, что *страшнее крысы зверя нет*. Это символ тоталитаризма и бесчеловечности. Вспомним роман «Чума» Альбера Камю (1947) с его эпиграфом из Д. Дефо «изображать то, что действительно существует, с помощью того, что не существует вовсе». И вот Соппротивление «фашистской коричневой чуме» показано через вымышленную эпидемию чумы в захолустном городе. И первыми вестниками её, то есть первыми, кто принял её в себя, стали крысы. Полчища дохлых крыс предварили наступление чумы.

Ещё страшнее крысы, используемые для пыток, в романе Джорджа Оруэлла «1984» (написан в 1949 году). Они оказываются за порогом выживаемости человеческих чувств и интеллекта. Перед перспективой быть съеденным заживо голодными крысами, выпущенными на прикрученного к креслу человека палачом из «министерства любви», главный герой предаёт последнее, что у него оставалось, – любовь: «Отдайте им Джулию! Не меня! Не меня!» – кричит он, проваливаясь в черноту.

А что же мыши? А ргіогі, думалось, что мышь – символ маленького человека в безжалостном мире, эдакий Акакий Акакиевич XX века. Но она оказалась вдруг символом чего-то такого, без чего невозможно оставаться человеком.

Начнём с бытовых подробностей романа Татьяны Толстой «Кысь» (2000 г.), лауреата премии «Триумф». «Мыши – наша опора» – центральный лозунг города, возникшего на семи холмах бывшей Москвы после Взрыва. Одичалые, полуграмотные люди заново пытаются построить какое-нибудь общество. Кроме умственной деградации, почти у каждого так называемые Последствия Взрыва в виде то гребешков по всему телу, то хвоста, то чего-нибудь и ещё более серьёзного. Главное

преступление, которое называется Болезнью и «лечится» смертью, – хранить дома напечатанные до Взрыва книги, они – для избранных. Основная валюта города – мыши. Из них готовят супчики и изысканные блюда, их запекают в духовке, они на рынке вместо денег – наловивший у себя в подполье (а люди богатые заставляют это делать холопов) 70 мышей герой чувствует себя в тот день хозяином жизни. За связку мышей можно и книгу выменять – берестяную, разрешенную. Из мышиных шкурок шьют одежду, из мышиного сала делают свечи, существует мышиное ростовщичество.

А интеллектуальная элита, государственные переписчики книг, ведёт, например, такие разговоры:

– Что такое «конь», вы не знаете?

– Должно быть, это мышь.

– Почему вы так думаете?

– А потому что: «али я тебя не холю, али ешь овса не вволю». Точно, мышь.

– Ну, а как же тогда: «конь бежит, земля дрожит»?

– Стало быть, крупная мышь.

Мышь, пожалуй, единственное существо без Последствий Взрыва – даже Котя, ловящий её, ласковый, мурлыкающий Котя, – с голым розовым хвостом, детскими розовыми пальчиками и мордой с хоботком. Мышь предсказуема, и потому, как говорит Главный Санитар, который после переворота станет Генеральным Санитаром: «Коллектив опирается на мышь, как есть она краеугольный камень нашего счастливого бытия». То есть существует для народа, для быдла.

– А отчего у нас в доме мышей нету? – спрашивает его зять.

– Оттого у нас мышей нету, что у нас жизнь духовная. Нам мыши без надобности.

«Духовность» заключается в блюдах не из мышей и в элитных книгах, которые мышь может погрызть, в чём она, получается, тождественна народу, который, заранее предполагается, книги только испортит, по своему невежеству.

Тем не менее, с мышью в литературе XX века оказалась связана как раз мысль о духовности и человечности. И это, прежде всего, знаменитая повесть Джона Стейнбека «О мышах и людях». За неё, а также за романы «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей» Стейнбек получил в 1962 году Нобелевскую премию в области литературы.

В мире одиночества, бездомности, жестокости два человека из одной деревни, два батрака, не имеющих своего угла, – Джордж и слабоумный, но очень сильный, жаждущий любви и домашнего тепла Ленни. Эта жажда любви даёт обратный результат: он гладит мышей, а они умирают в его могучих руках, умирает щенок, умирает женщина, которую он гладил по волосам, напугал, и , когда она стала вырываться, свернул ей шею. Однако

вдруг оказывается, что этот бесполезный и даже вредный для процветания друга Ленни – необходим, чтобы сохранить человеческое не только в Джордже, но и в тех окружающих, которые ещё способны быть людьми.

Ленни чувствует себя счастливым, когда снова и снова просит Джорджа рассказать об их будущем ранчо с кроликами, и вообще «про нас».

– Мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше некуда деваться. Иной человек попадает в тюрьму и может сгнить там – никто и пальцем не шевельнёт. Другое дело – мы.

– Другое дело – мы! – Подхватил Ленни, – А почему? Да... потому, что у меня есть ты, а у тебя есть я, вот почему.

Джордж сам убивает Ленни, чтобы не допустить над ним суда Линча. Убивает, отвлекая друга именно этими словами, чтобы тот умер счастливым. Да, они не умеют любить, но всё-таки любят, и символом хрупкости, незащищённости любви и жизни становится та самая мышь.

Интересно, что в повести только Джордж и Ленни названы по имени, у остальных прозвища – Огрызок, Рослый, Кудряш... А недаром Лотман подчёркивал, что культура – это пространство личных имён. И вот мы переходим к произведениям, где мышь обретает имя, а вместе с ним характер и судьбу.

Роман Стивена Кинга «Зелёная миля» (1996 г.) назван так по зелёному пространству коридора, который ведёт из камер смертников к электрическому стулу. Произведение написано в форме воспоминаний бывшего старшего надзирателя тюрьмы о времени Великой Депрессии 1932 года, когда и за такую работу держались крепко. Он провёл 77 казней, оставаясь при этом человеком, потому что даже в преступниках опирался при общении на общечеловеческие чёрточки. А они стали вдруг проявляться совершенно неожиданно в, казалось бы, потерянных людях с появлением в тюрьме мышонка Мистера Джинглеса, из которого смертник Делакура сделал цирковую мышь. Собственно, ещё и до появления названного убийцы мышонков проявлял необыкновенные способности, сотрудники прозвали его Пароход Уилли, по названию первого мультфильма про Микки Мауса, а Делакура переименовал, сделав мышонка своим другом. И Мистер Джинглес отплатил любовью: после казни друга он унёс с собой в тайное гнездышко обломки той раскрашенной катушки, с которой вытворял свои трюки...

Этот мышонок оказался лакмусовой бумажкой на проверку человечности в каждом, кто встречался на его пути. Человек, несущий Добро, не может защитить себя, но он как бы открывает какую-то дверцу в хороших людях, для которых становится естественным совершать необычное ради добра, рисковать собой ради добра. Эта мышь –

концентрация добрых чувств. Она смела, верна своим привязанностям и берёт еду только из рук тех, кто стал проводником добра в этом мире. А нелюди ненавидят Мистера Джинглеса, пытаются уничтожить. Ложно обвинённый в убийстве маленьких девочек чернокожий гигант Джон Коффи – целитель! – вдохнул жизнь в эту раздавленную безжалостным сапогом мышку – и исцеление вдруг открыло глаза на невиновность Коффи сотрудиникам каземата. Способность излечивать смертельные болезни, пропуская их через себя (а Коффи вылечил в тюрьме ещё двоих), не может быть у убийцы. Другое дело, что машина казни была уже запущена, и казнь совершилась, но она оказалась последней в карьере главного героя – он не смог больше.

И через много лет, в тяжёлое для себя время, герой опять встречается этого мышонка, который обрёл долголетие благодаря лечению Коффи, и снова появляются силы противостоять злу. Эта цирковая мышь оказалась как будто в центре круговой поруки добра. Интересный момент: перед казнью Делакруа, хозяин мыши, беспокоится о Мистере Джинглесе как о самом близком существе, и служители специально для него придумывают, что существует во Флориде город Маусвилл, где способные дрессированные мыши живут в городе, словно люди. Они показывают трюки, и им с удовольствием платят за это 10 центов со взрослого, два – с ребёнка. Процветающий бизнес, и Мистера Джинглеса, конечно же, возьмут туда.

– Ур-ра! – кричит смертник Делакруа, которого всего пара дней отделяет от электрического стула, словно что-то самое лучшее от него остаётся в этом мире.

А следующим шагом по пути к человечности в мышинной теме оказались произведения о возможности понимания между такими разными, противоположными существами, как человек и мышь. Вспомним рассказ Б. Окуджавы «Мышка», впервые опубликованный в «Новом мире» (№ 1 за 1997 г.). Наставивший мышеловок поэт вдруг обретает в любознательном, отзывчивом мышонке, который очень любит посидеть с ним рядом у телевизора, приятеля, собеседника, родственную душу. К сожалению, в конце рассказа сработала забытая мышеловка.

Сильное впечатление производит новелла «Настя любит тишину» в романе А.В. Коноплина «Шесть зим и одно лето» (Ярославль: Верхняя Волга, 2001). Роман основан на автобиографическом материале: Сергей Слонов так же, как и автор, после фронта по доносу попадает в ГУЛАГ. «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» – эпиграф этой главы романа из Послания апостола Павла коринфянам (Гл. 1, ст.20).

Настя – мышка, которая переходит к Сергею «по наследству» от покинувшего навсегда одиночную камеру профессора Панченко, не выдержавшего мокрого карцера за стремление заниматься наукой в тюрьме. Настя была символом незащитной и трогательной жизни, живой

жизни, которая невозможно же, чтобы исчезла совсем. Недаром после смерти Насти (а её запинали сокамерники, с которыми Сергеем не удалось справиться) он напишет первый в своей жизни рассказ. Так начался писатель Коноплин.

И примечательно: когда два запилавших Настю буденовца возмущённо кричали на разбушевавшегося Сергея, что он псих, третий сокамерник сказал:

– Оставьте его... Тебе этого не понять.

Прямо как у Стейнбека изуверы с ранчо с удивлением смотрят на Рослого, который уводит Джорджа от убитого им друга:

– Чего это они сами не свои?

Герой Коноплина похоронил мышку Настю в тюремном дворе, из-за чего с ним стали обращаться как с душевнобольным, даже перевели на более удобные верхние нары и первому давали миску баланды. И так же кончается самая потрясающая, на мой взгляд, мышинная повесть «Цветы для Элджернона» Дэниэла Киза, опубликованная в нашей стране в 1967 году единственный раз в 1967 году в серии «Библиотека современной фантастики», т. 10.

Она кончается заметкой в конце дневника: «Если у вас будет возможность положите пожалуйста немножко цветов на могилу Элджернона которая на заднем дворе...» [2]. И фантастического в этой повести нет ничего, если не считать фантастикой необычную операцию на мозге. С её помощью слабоумный, но мечтающий быть образованным, по собственной инициативе посещающий вечернюю школу Чарли Гордон на короткое время становится гением, а потом теряет эту способность. По просьбе профессоров он ведёт дневник, по которому видно, как разительно меняется его интеллект. А с ним вместе и восприятие жизни: оказывается, его друзья с фабрики (а он на этой фабрике моет полы в туалетах и относится к этому делу с большой ответственностью) потешались над ним, а он-то думал, что они смеются потому, что им хорошо и весело с ним. И гениальность приносит ощущение одиночества, неприязни и даже ненависти тех, кого он раньше развлекал. Его посещает любовь к учительнице, но и здесь – им уже не о чем разговаривать.

И вот тут возникают совершенно особые отношения между Чарли и белой мышью по имени Элджернон. Этой мышке операцию сделали раньше, чем нашему герою, и она обыгрывает его в интеллектуальном лабиринте и других играх. «Я ненавижу эту мыш!» - пишет огорчённый Чарли в начале дневника. Но постепенно он проникается к ней добрыми, очень тёплыми чувствами, особенно когда оказывается, что процесс развития гениальности столь же стремительно сходит на нет и возвращается прежний уровень интеллекта. Элджернон первым пошёл по этому пути. С болью Чарли наблюдает, как тот теряет память, координацию движений, как осознаёт, что с ним происходит, и

сознательно стремится к самоубийству, ибо, по законам эксперимента, мышшь получает пищу только за творческую работу, а Эджернон отказывается от трюков, а значит, от пищи. Чарли всю мощь своего интеллекта направляет на то, чтобы успеть в оставшееся ему время завершить своё научное исследование, перечёркивающее работу сделавших ему операцию профессоров: отрицательный итог эксперимента – тоже открытие. Мышь умирает, Чарли оплакивает её, а сам, отдавая себе полный отчёт в том, что с ним происходит, идёт по её стопам. Он чувствует, как слабеет память, как он уже не понимает того, что давалось ему так легко, -иностраннне языки, научные книги, даже текст собственного исследования уже темны для него. До тошноты болит голова, нестерпима жалость прежних друзей, которые теперь не смеются над ним, а жалеют; и особенно нестерпима жалость любимой женщины: он даже не открыл ей двери, когда она пришла навестить его. Он по-настоящему болен и отвечает доктору на вопрос о друзьях и близких, что у него нет никого, но когда-то был друг, которого звали Эджернон, «но это была мышшь».

«Кажися я вроде сделал чтото для всех таких глупых людей как я», – вывод последней страницы его дневника. И ведь действительно, то, что прошло, не перестаёт быть ценностью, хотя люди так часто отрицают эту ценность в «вышедшем в тираж» человеке: бывшие спортсмены, старики, люди иного круга («такие глупые как я») словно не существуют. Но общечеловеческие ценности едины, и удивителен совет уезжающего от оскорбительной жалости, потерявшего интеллект Чарли своему профессору, чтобы он не оскорблялся, когда над ним смеются, и тогда у него будет больше друзей: «Там куда я еду у меня будет много друзей». И туда он увозит память о душевном понимании между ним и мышью.

Мысль о глубокой мудрости и ценности всего живого, ценности дома, памяти детства была великолепно выражена в мышшиных стихах поэтов Серебряного века (в частности, Ходасевича [3]). И эта же мысль вдруг, в мышшином же обличье, возникает в воспоминаниях Д.С. Лихачёва о блокаде. И в книге, и в телевизионной передаче среди страшной череды смертей, апокалипсических потерь, похорон близких он запомнил, как что-то не менее важное, странный звук на подоконнике: «Тогда-то у нас на подоконнике и умерла от истощения мышшь» [4]. Ибо не оставалось более ни крошечки пищи. Словно с ней вместе ушла жизнь дома.

Ах, у вас война! Взметает порох
 Яростный и смертоносный газ,
 А в подпольных, потаённых норах
 Горький трепет, богомольный шорох
 И свеча, зажжённая за вас.
 В. Ходасевич «Из мышшиных стихов».

Сразу вспоминаются слова из духовного завещания князя Симеона Гордого, старшего сына Ивана Даниловича Калиты: «Пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша и чтобы свеча не угасла» [5]. Та же свеча, что у Ходасевича. Мышь словно продолжает хранить возможность оскотинившемуся человечеству вернуться к истокам, к духовным основам бытия, потерянными в катаклизмах XX века.

Примечания:

1. Интересно была представлена эта тема в докладе М.Е.Порядиной на Опочининских чтениях в г.Мышкине: Порядина, М.Е. Мышь как персонаж: функции и характеристики.(Современное детское чтение. Россия. Народная и авторская сказка) // Опочининские чтения. Вып. 9-10. Мышкин, 2002. С. 198-208.
2. Здесь и далее сохранена орфография названной публикации в переводе С.Васильевой по изданию: Киз, Д. Цветы для Элджернона // Антология фантастических рассказов английских и американских писателей. М.: Мол. гвардия, 1967. С. 262- 294. (Б-ка современной фантастики в 15-ти т: Т.10.).
3. См., в данном аспекте: Рождественская, Н.В. Мышь как источник поэтического вдохновения в литературе Серебряного века // Опочининские чтения. Вып.6. Мышкин, 1998. С. 36-40.
4. Лихачёв, Д.С. Воспоминания. СПб: Logos, 2000. С. 496.
5. Цит. по: Глухов, А.Г. Мудрые книжники Древней Руси (от Ярослава Мудрого до Ивана Фёдорова). М.: Э

